

*Лебедев Юрий Владимирович,
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет
e-mail: seminaria44@mail.ru*

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТРУДЕ И СОБСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

В статье раскрываются духовные основы труда и православно-христианское учение о собственности в художественном мире русских писателей XIX века.

Ключевые слова: труд, собственность, торгашество, праведность, община, соборность.

1

В первое пореформенное лето 1861 года Н. А. Некрасов написал поэму-путешествие «Коробейники». Бродят в ней по сельским просторам деревенские торгаши-отходники, старый Тихоньч и молодой его помощник Ванька. Это небезгрешные, но очень совестливые мужики, критически оценивающие своё торгашеское ремесло. Трудовая крестьянская мораль постоянно подсказывает им, что, обманывая братьев мужиков, они творят несправедное дело, «гневят Всевышнего», что рано или поздно им придётся отвечать перед Ним за «душегубные дела».

Потому и приход их в село изображается Некрасовым как искушение. Вначале к коробейникам выходят «красны девушки-лебёдушки», «жёны мужние – молодушки». А потом, после «торга рьяного», – «посреди села базар», «бабы ходят точно пьяные, друг у дружки рвут товар». Как приговор всей трудовой крестьянской России выслушивают торгаши бранные слова крестьянок: «Принесло же вас, мошейников! .../ Из села бы вас колом»¹. Укор коробейнику Ваньке – чистая любовь Катериноушки, которая предпочла всем его подаркам «бирюзовый перстенёк». Неспроста именно этот эпизод из по-

*Лебедев Юрий
Владимирович
доктор филологических
наук, профессор*

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Т. 4. Л., 1982. – С. 60. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

эмы Некрасова выхватил русский православный народ и превратил в свою песню – «великую песню», по определению А. Блока¹.

В трудовых крестьянских заботах топит Катеринушка после разлуки с милым свою тоску по суженому. Вся пятая глава поэмы, воспевающая самоотверженную любовь и самозабвенный труд, – упрёк торгашескому ремеслу коробейников, которое уводит их из родимого села на чужую сторону, отрывает от трудовой жизни, от народной нравственности:

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высококую,
Слёзы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная –
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилоя
Молодице невтёрпеж,
Под косою трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лён стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам [4, 67].

А между тем коробейники, набивая свои кошельки, всё тревожнее себя чувствуют, всё острее и больше ощущают свой разрыв с трудовыми основами народной жизни:

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
“Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!”
– В день теперя не отплюешься,
Как ещё прощает Бог:
Осквернил уста я ложию –
Не обманешь – не продашь! –
И опять на Церковь Божию
Долго крестится торгаш. [4, 61]

Всё, что происходит в поэме, воспринимается глазами народа, всему дается крестьянский приговор. Но главные судьи в ней – не патриархальные

¹ См.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. – Т. 5. М.; Л., 1962. – С. 132.

хлеборобы, но «бывалые», много повидавшие в своей страннической жизни мужики. За деревенской околицей открылась перед ними вся Русь. Обо всём они имеют собственное суждение, всему дают суровый приговор. В современной жизни, которую они оценивают, открывается то же «нестроение», что и в их собственных душах: «всё переворотилось», разрушаются старые жизненные устои, на смену им приходят денежные отношения. Господа, порвавшие связи с коренной Россией, проматывают трудовое народное наследие за рубежом:

Нынче баре деревенские
 Не живут по деревням,
 И такие моды женские
 Завелись... куда уж нам! <...>
 Всё подклеено, подвязано!
 Город есть такой: Париж,
 Про него недаром сказано:
 Как заедешь – угоришь. <...>
 Вот от этих-то мошейников,
 Что в том городе живут,
 Ничего у коробейников
 Нынче баре не берут. [4, 65]

Вспоминает старый коробейник Тихонич перед своей гибелью про загубленную жизнь Титушки-ткача. Крепкого, трудолюбивого мужика все-российское беззаконие и духовная расхристанность превратили в «убогого странника», лишили его смысла жизни. Потерявший по фальшивому судебному приговору семью и собственность, несчастный горемыка «без дороги в путь пошёл»... Тягучая, заунывная песня его, сливающаяся со стоном разорённых российских сёл и деревень, со свистом холодных ветров на скудных полях и лугах, готовит в поэме трагическую развязку:

Я лугами иду – ветер свищет в лугах:
 Холодно, странничек, холодно,
 Холодно, родименькой, холодно!
 Я лесами иду – звери воют в лесах:
 Голодно, странничек, голодно,
 Голодно, родименькой, голодно!
 Я хлебами иду – что вы тощи, хлеба?
 С холоду, странничек, с холоду,
 С холоду, родименькой, с холоду!
 Я стадами иду: что скотинка слаба?
 С голоду, странничек, с голоду,
 С голоду, родименькой, с голоду! [4, 73-74]

В глухом костромском лесу суждено погибнуть коробейникам от рук такого же убогого и беспутного «странника», который и внешне похож то ли на «горе, лычком подпоясанное», то ли на лешего – жутковатую лесную нежить. Накануне гибели, в ключевой сцене распутья, сами коробейники выбирают трагический финал своей жизни, сами готовят свою судьбу. Опасаясь

за сохранность тугих кошельков, они решают бежать в Кострому лёгким путём, «напрямки». Этот опрометчивый выбор не считается с «причудами» нашей русской природы, с петляниями загадочных просёлочных дорог: «Коли три версты обходами, напрямками будет шесть»:

– Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдёшь – сойдёшь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие... –
«Стой-ка, дядя, чу, идут!» [4, 69]

Примечательно, что преступление «христово охотничка», совершается здесь без всякого материального расчёта: деньгами, взятыми у коробейников, лесник не дорожит. Тем же вечером, в кабаке, «бурля и бахвалясь», в привычном русском кураже, он рассказывает всем о случившемся и покорно сдаёт себя в руки властей:

Молодцу скрутили рученьки.
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
– Их-то нам и покажи! –
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей –
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мёртвых предали,
Лесника в острог свезли... [4, 76]

В «Коробейниках» ощутима двойная полемическая направленность. Во-первых, Некрасов тут даёт урок русским либералам-западникам, которые, направляя Россию по буржуазному пути, не считаются с особенностями отечественной истории, о которых ещё Пушкин с пророческой прозорливостью говорил: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история её требует другой мысли, другой формулы...»¹. А во-вторых, поэт урезонивает и революционеров-нетерпеливцев, уповающих на русский бунт, забывая о его «бессмысленности и беспощадности».

2

В конце 1870-х – начале 1880-х годов соратник Некрасова, Глеб Иванович Успенский, писатель народнической ориентации, целиком отдаётся изучению духовных основ крестьянской жизни, поселяясь на жительство

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. VII. М., 1964. – С. 144.

в деревне. Он хочет уяснить влияние земледельческого труда на русского крестьянина и пишет книгу «Крестьянин и крестьянский труд» (1880). Наблюдая за жизнью новгородского мужика Ивана Ермолаевича, Успенский с недоумением вопрошает: «...Что именно даёт Ивану Ермолаевичу силу переносить своё труженическое существование? Что держит его на свете и из каких лакомых приправ сварена та чечевичная похлёбка, за которую он явно продаёт своё первородство? <...> Что же за приятность в податях? Что за удовольствие биться всю жизнь из-за них или только из-за хлеба? Неужели же такое существование можно назвать жизнью?»¹. Духовный смысл тяжёлого крестьянского труда остаётся для русского интеллигента тайной за семью печатями.

И вдруг случается история, приоткрывшая разгадку этой тайны. Однажды Успенский обратил внимание на то, как Иван Ермолаевич поил молоком слабого телёнка. Его поразил чрезвычайно огорчённый голос крестьянина: «Вот он! Поглядите на него, на проклятущего, и смотреть-то на него, на проклятого, тошно!..» [5, 29].

Это напомнило писателю другое событие. Летом 1876 года, в Париже, знакомый художник повёл его в Лувр смотреть на статую Венеры Милосской. Всю дорогу он готовил его к предстоящему зрелищу. И вдруг, подойдя к прославленной статуе, художник остановился, беспомощно опустил руки и проговорил *«точь-в-точь таким же драматическим тоном, как и Иван Ермолаевич: “Ну скажите, пожалуйста, на что это похоже? Посмотрите-ко, что они наделали...”*» [5, 29].

Оказалось, что администрация Лувра решила укрепить ветхие места на крошащемся мраморе статуи, и нос у Венеры Милосской стал похож на утиный... «Этот-то утиный нос, оказавшийся там, где должно было быть совсем другое, до того потряс художника, так его ошеломил, что он, за минуту назад до крайности взволнованный, возбуждённый, как бы мгновенно устал, обессилел и ушёл вон совершенно расстроенный» [5, 30].

Такое же эстетическое оскорбление, такая же нравственная обида послышалась Успенскому в голосе Ивана Ермолаевича, когда он, указывая на телёнка, говорил: «Вот поглядите на него, на проклятущего!» «Оказалось, что Иван Ермолаевич был огорчён почти так же, как и художник, то есть именно *оскорблён телёнком в глубине своих художественных требований*» [5, 30].

Эпизод с телёнком воскресил в памяти рассказчика множество таких же случаев, которые он «пропускал мимо ушей, как вещи не “стоящие” и ровно ничего не значащие...» (5, 31). Припомнилась Успенскому «история» с уткой, за которой Иван Ермолаевич долго наблюдал, а потом назвал её «остроумной». Припомнился эпизод с «забывчивой» свиньёй, припомнились выражения: «загляделся на жеребёнка», «залюбовался овсом».

Так открылись Успенскому тайны поэзии земледельческого труда. Оказалось, что крестьянин на земле трудится далеко не только ради куска хлеба насущного, что его труд несёт в себе высокое эстетическое содержание. Му-

¹ Успенский Г. И. Собр. соч.: В 9 т. – Т. 5. М., 1959. – С. 27. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

жик, связанный с землёй-кормилицей, – поэт! Труд на земле удовлетворяет его художественные потребности. Имея дело с рождением живого организма, с его ростом и созреванием, проходя вместе с природой шаг за шагом весь круг жизненного цикла, крестьянин радуется прорастанию зерна, ревниво следит за формированием стебля и колоса, волнуется, мучается, старается помочь природе. В своём крестьянском труде он является соучастником и творцом великого таинства жизни. И в этом смысле он народный художник и поэт.

Но открывая поэзию земли, Успенский убеждается, что её властью душа крестьянина исчерпаться не может. Власть «земли» без *благодати «неба»* заводит народ или в пустыни безропотной покорности или в дебри безграничного самоуправства.

Почему? Успенский так отвечает на этот вопрос.

Судьба крестьянина зависит от «деспотизма» природы, которая знакомит его с «бесконтрольной, своеобразной, капризно-прихотливой и бездушно-жестоккой» властью. Как нива в северных наших краях, в зоне «рискованного земледелия», всегда под угрозой гибели, так и жизнь крестьянина беззащитна на холодных российских ветрах: «Терпи, Иван Ермолаевич!» – говорит крестьянину природа. «И Иван Ермолаевич умеет терпеть, терпеть, не думая, не объясняя, терпеть беспрекословно» [5, 40].

А с другой стороны, тот же крестьянский труд «знакомит Ивана Ермолаевича и с *удовольствиями власти*» [5, 41]. Без малейшей тени сомнения в своём праве, «он стрижёт овцу, стегает и запрягает лошадь, выгребает из куриных кошёлок яйца, доит и отбирает у коровы молоко, телёнка и т. д. до бесконечности. Спрашивается: может ли Иван Ермолаевич, получающий знания непосредственно от природы, иметь хотя малейшую тень сомнения в неизбежности самой абсолютнейшей, самой прихотливой, а главное, ничем не объяснимой власти? <...> Из всего этого видно, что “повинуйся” и “повелевай” до такой степени прочно вбиты природою в сознание Ивана Ермолаевича, что их оттуда не вытащишь никакими домкратами» [5, 43].

Таким образом, «власть земли» формирует в народных характерах два враждующих между собою типа: на одном полюсе – терпеливый и бедный Платон Каратаев, на другом – богатый самодур и мироед. И когда над крестьянином безраздельно царит «земля», между этими типами возникает непримиримая вражда. В этом случае весь организм общинной жизни расстраивается, порождая расслоение между богатыми и бедными, вызывая взаимную ненависть между ними.

Успенский подводит читателя к выводу, что в деревенской общине существовал тип праведника, третья фигура, которую автор «Власти земли» называет «народной интеллигенцией». «...Тип её был тип *Божия угодника*. Но это не тот угодник, который, угождая Богу, заберётся в дёбрь или взлезет на столб и стоит на нём тридцать лет. Нет, *наш народный угодник* хоть и отказывается от мирских забот, но живёт только для мира. Он мирской работник, он постоянно в толпе, в народе, и не разглагольствует, а делает в самом деле дело. Народная легенда о Николае и Касьяне как нельзя лучше рисует

этот тип *народного* интеллигентного человека. Касьяну, как известно, праздник бывает только в четыре года раз (в високос), а Николаю – множество раз в один год. Отчего так? Оттого, разрешает этот вопрос легенда, что когда Николай и Касьян пришли давать Богу отчёт, после того как они были на земле между людьми, то Николай оказался весь испачкан грязью и в изорванном платье, а Касьян пришёл франтом. Вот Бог и решил, что Николай всё время работал, толкался в народе, хлопотал, а Касьян только разговаривал, за это и положил праздновать Касьяну в четыре года раз, а Николаю в год чуть не двадцать раз» [5, 126].

«Эта интеллигенция “угодников Божиих” внесла в народную русскую массу бездну всевозможной нравственной и физической опрятности (посты, браки в известное время года и т. д.). Но главное-то – она старалась *«развить эгоистическое сердце человека в сердце всескорбящее...»* [5, 171]. Духовным просвещением крестьянина занималась Православная церковь, русская классическая литература и старая народная школа. Эта школа учила «необходимости в некоторых житейских отношениях нести убыток – подавать нищим, убогим, жертвовать на храм» [5, 172]. Такую школу «народ почитал за серьёзную, гораздо более серьёзную, чем теперешняя, где можно узнать массу чисто практически полезных сведений об удобрении, навозе», но и не более того. В старой школе, напротив, «всякий знал, что из рыданий псалмопевца “не сошьёшь шубы”». Но, тем не менее, псалмы «долбили, и плакали, и наказывали за неуменье выдолбить, потому что видели нравственную необходимость глядеть на себя и на окружающих не с одной только точки зрения дремучего леса» [5, 172].

Таковыми *народными интеллигентами* Успенский считает русских православных святых, признанных крестьянами праведников. Он показывает, что ещё столетие тому назад святитель Тихон Задонский мог с церковной кафедры публично, при всём народе, говорить такие слова: «Явное хищение есть то, когда кто чужую вещь насильно отнимает, как то делают: 1) Разбойники, кои насильно другого грабят. 2) Властелины, которые у своих подчинённых, а сильные у немощных отнимают нагло имение, дом, землю и проч. или принуждают их продать себе то, что они продать не хотят, или продать малою ценою... 3) Сему хищению подвержены продавцы, которые в крайней другого нужде, например, во время голода, хлеб не продают, разве за неслышную цену. Сюда подлежат и те, кои, видя другого нужду, взаём не дают денег, или хлеба, или чего другого, разве требуя несправедливой лихвы и росту» [5, 161].

«Как же обстоят дела теперь? – подводит итог своим горьким наблюдениям Успенский. – Теперь мы видим только две фигуры – Платона и хищника. Третьей фигуры – человека, который бы мог заикнуться о той правде, которую Бог видит и которую говорит устами людей, – нет и в помине. Напротив, всё на стороне хищника. На стороне его земельное расстройство масс, расстройство душевного удовлетворения их трудом; расстройство это гонит их к хищнику внутренне обессиленными, сознающими своё ничтожество гораздо сильнее, чем сознавал его Каратаев» [5, 202].

3

Теоретики народнического движения видели источник социалистических симпатий крестьян в экономической организации деревенской жизни. Крестьянские «устои» для них исчерпывались этим. Соратник Г. И. Успенского Николай Николаевич Златовратский в романе «Устои» утверждает другое. Он показывает, что экономическое устройство общинной жизни находится в прямой зависимости от духовных основ, его организующих и питающих. Кризис духовных устоев неотвратимо ведёт за собою катастрофический распад общинных связей. *Община экономическая держится общиной духовной, основывается на ней и питается ею.*

Напор буржуазных начал в жизни русской деревни Златовратский связывает не с экономическим нестроением, а с глубоким религиозным кризисом, который охватывает не только высшее сословие нашего общества, но и пореформенную крестьянскую Русь.

В романе «Устои» есть символический образ часовни, построенной на высоком холме, у которой в старые времена собирались мужики для решения «по совести» своих «мирских» дел: «Далёкою стариной веет от этой покоящейся часовенки... А если посмотреть с этого пункта кругом, то невольно является мысль, что эти руины имеют многозначительный смысл: с этого пункта в ясный день можно обозреть окрестность на громадное пространство; вся Вальковщина здесь открывается пред глазами, и в летний день воздух до того чист и прозрачен, что самые дальние деревни выступают рельефно среди зелени полей. Стоя на этой вершине, близ дряхлой часовни, в виду открывшейся перспективы деревень и полей, невольно чувствуешь, как что-то далёкое, эпически величавое охватывает душу. А если вместе стоит здесь дряхлый старожил, то он двумя-тремя штрихами вызовет в воображении целую картину: кажется, что вот от всех этих деревень, как по радиусам к центру, тянутся к этой часовне мужичьи фигуры, в пояровых шляпах гречневиком; как на этой вершине мало-помалу толпа нарастает всё больше и больше; как становится шумнее и говорливее, когда начинается выбор “мерщиков”; как, наконец, приступает эта толпа пахарей к дележу и равнению общего достояния; как перед вынуждением жеребьев толпа обнажает головы и, в виду этой часовни, призывает Бога в свидетели правоты предстоящего дела; как вся она падает на колена в подкрепление своей веры в прочность и ненарушимость совершающегося акта... А в это время вся вершина холма горит в золотистых лучах заходящего солнца... Но старый “дух мира”, призывавший сюда толпы пахарей, давно отлетел из дряхлого остова часовни, и целые десятилетия она одиноко и равнодушно смотрит на давно забывшие её поколения...»¹.

Образ обветшавшей часовни свидетельствует о глубоком духовном кризисе, переживаемом деревенской общиной. Носителем поруганной общинниками христианской правды является в романе Златовратского старый приятель и соперник «хозяйственного мужика» Пимана, крестьянин-праведник Мин Афанасьевич. Вот как объясняет Мин, «слушать которого всё равно,

¹ Златовратский Н. Н. Устои. История одной деревни. М., 1951. – С. 451–452. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

что в церковь ходить», причину неизбежной гибели Пимана: «Так вот, говорю вам: кулакам-мироедом не жить. А не жить им потому, что у них *сытости* нет!.. Коли сытости нет – шабаш, пропало!.. А у них, милые, даже ни чуточки её нет... У барина хоть малость, да было, а у кулака нет: у него одна алчба, жадность, глад душевный и телесный... Чем больше жрёт, тем больше утроба просит... Вот что у пьяниц: чем больше пьёт, тем больше хочется... Он думает: вот выпью ещё, буду в довольстве, сытости, – выпьет, а его пуще алчба мучит... А отчего эта алчба? От неправоты... Правоты в своём положении не видит... Коли кто правоту чувствует свою, он всегда и сытость чувствует, у него есть предел, у него довольство в себе есть... Вот, милые, где их гибель ожидает...» [304–305].

Крестьяне, родственные Мину Афанасьевичу, вносят в народную жизнь идеал христианской праведности, смягчают в ней тёмные эгоистические инстинкты. Эти духовные странники «в трудовой сельскохозяйственной общине силятся создать *общину духовную*, посредством её придать округлость, цельность и смысл миллионам человеческих существований, умерить действие почти непосильного сурового закона борьбы за существование»¹.

Но когда «община духовная» теряет власть над душою крестьянина, разлагается и община хозяйственная. Это видно в романе Златовратского на примере трудовой семейной артели Пиманов. Мин говорит: «И в труде жадность есть!.. Есть, милая, есть!.. А жадность – всему погибель... И труд должен быть в меру. Тогда и Бог его любит... Всё в меру, без жадности, без алчбы: вовремя потрудись, вовремя песню спой (песня для души нужна, чтобы на душе тяжести не было), вовремя на народ сходи (на народ сходишь, всё равно что в церковь: и уму есть занятие, и душе пища, потому что наша душа только на других и жива)... Тогда и будет в твоей душе довольство!.. А ежели ты и к труду жаден, так довольства не будет; будет у тебя на сердце тоска, истома, зависть, к другим ты будешь строг и сурьезен...» [289–290].

Какие же представления о богатстве и собственности распространяли в конце XIX века носители православного благочестия, «народные интеллигенты»? Люди глубоко просвещённые, они опирались на тексты священного Писания и Предания, на учение святых отцов нашей Православной Церкви. «Всякое ли богатство от Бога? – задавали они вопрос православным мирянам и вслед за святителем Иоанном Златоустом отвечали на него так. – Нет, не всякое. Ибо мы видим, что многие собирают великое богатство хищением и другими подобными способами. Приобретающие праведно, получив богатство от Бога, употребляют его согласно с заповедями Божьими; а оскорбляющие Бога в приобретении, делают то же и в употреблении, расточая его на блудниц и праздных нахлебников, или закапывая и запирая, а не уделяя ничего бедному»².

Так всякая ли собственность «священна и неприкосновенна»? Нет, далеко не всякая. Святитель Иоанн Златоуст говорит, что от пристрастия к день-

¹ Златовратский Н. Собр. соч.: В 2 т. – Т. 2. СПб., 1891. – С. 379–380

² Св. Иоанн Златоуст. Собрание поучений: В 2 т. – Т. 1. М., 1993. – С. 67, 69. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

гам рождаются хищения, вражды, брани и споры. «Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной как губителей и волков. Ибо подобно тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, до основания его потрясают и чрез сие в глубине находящийся песок смешивают с горными волнами, так и люди, жадные к деньгам, всё приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю друга? Он не знает даже самого Бога; ибо, будучи одержим этою страстью, он приходит в неистовство».

Сребролюбцами «ниспровергнуто всё, от неистовой любви к деньгам всё погибло. Ибо не знаю кого, кого стану винить; до такой степени сие зло овладело всеми, – правда одними в большей, другими в меньшей мере, однако – всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, всё ниспровергает и опустошает; так и эта страсть погубляет вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети, – все в равной мере поработились сему злу. Как будто вследствие того, что какой-то мрак обаял вселенную, никто не выходит из опьянения» [2, 69].

Картина, нарисованная здесь св. Иоанном Златоустом, жившим в IV веке, удивительно современна. Она, как компас, показывает нам решительное уклонение от христианских начал, охватившее всю европейскую цивилизацию, когда-то имевшую претензию называть себя христианской. Переживаемый ныне её кризис – прямое следствие соскальзывания этой цивилизации с христианских на языческие пути.

«Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг; а только хочу, чтобы они владели всем этим осмотрительно и надлежащим образом, – поучает святитель Иоанн Златоуст. – Каким надлежащим образом? – Как следует господам, а не рабам; т. е. владеть богатством, а не так, чтобы оно владело нами, употреблять его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуют, чтобы мы употребляли их на необходимые потребности, а не берегли их: это свойственно рабу, а то – господину. Стеречь – дело раба, а издерживать – дело господина, имеющего на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать их в землю, а чтобы разделять с другими. Если бы Бог хотел, чтобы они были сбережены, то не давал бы их людям, а оставил бы их навсегда лежать в земле. Но как Он хочет, чтобы они были издерживаемы, то и дозволил нам иметь их, – для разделения друг с другом. Если же мы удерживаем их у себя, то мы уже – не господа их. А если ты для того удерживаешь их, чтобы умножить, то для этого самое лучшее средство – расточать их и всюду раздавать. Да и не может быть прихода без расхода, или богатства – без издержек» [2, 8–9].

Именно в таких предпринимателях с русской православно-христианской душой видел спасение России от бесконечных «обрывов», от разрушительных революционных потрясений Иван Александрович Гончаров. Его Тушины в романе «Обрыв» – это строители и созидатели, опирающиеся в своей работе на тысячелетний опыт русского хозяйствования. Артель его мужиков напоминает крепкую дружину, а Тушин среди них кажется первым работником. «В этой простой русской, практической натуре, исполня-

ющей призвание хозяина земли и леса, первого, самого дюжего работника между своими работниками и вместе распорядителя и руководителя их судеб и благосостояния», Гончаров видел «какого-то заволжского Роберта Овена!»¹.

4

Впрочем, задолго до И. А. Гончарова, Н. И. Златовратского и Г. И. Успенского Н. В. Гоголь убедительно раскрыл вслед за трудами святых отцов незыблемые основы православно-христианской трудовой этики: «Человек рождён на то, чтобы трудиться. “В поте лица снеси хлеб свой”, – сказал Бог по изгнанию человека за непослушание из рая, и с тех пор это стало заповедью человеку, и кто уклоняется от труда, тот грешит и перед Богом. Всякую работу делай так, как бы её заказал тебе Бог, а не человек. Если б и не наградил тебя человек здесь – не ропщи; за то больше наградит тебя Бог.

Важнее всех работ – работа земледельца. Кто обрабатывает землю, тот больше других угоден Богу. Сей и для себя, сей и для других, сей, хоть бы ты и не надеялся, что пожнёшь сам: пожнут твои дети; скажет спасибо тот, кто воспользуется твоим трудом, – вспомянет твоё имя и помолится о душе твоей. Во всяком случае, тебе выгода: всякая молитва у Бога много значит. Только трудись с той мыслью, что трудишься для Бога, а не для человека, и не смотри ни на какие неудачи: хоть бы всё то, что ты наработал, и пропало, побито было градом, – не унывай и снова принимайся за работу. Богу не нужно, чтобы ты выработал много денег на этом свете; деньги останутся здесь. Ему нужно, чтобы ты не был в праздности и работал. Потому, работая здесь, вырабатываешь себе Царствие Небесное, особенно если работаешь с мыслью, что работаешь Богу. Работа – святое дело. Когда делаешь работу, говори в себе: “Господи, помоги!” и за всяким разом говори: “Господи, помилуй!”. Заступом ли копнёшь или ударишь топором, говори: “Господи, удостой меня быть в раю с праведниками”. Когда делаешь работу, старайся быть так благочинен в мыслях, как бы ты был в церкви, чтоб от тебя никто не услышал бранного слова, чтобы и грубого не услышал от тебя товарищ, чтобы во взаимной любви всех совершалось дело: тогда работа – святое дело. Такая работа спасёт твою душу. Твоею работою здесь – зарабатываешь ты себе Царствие Небесное там. Аминь»².

Русский народ высоко ценил аскетическое монастырское служение. Но рядом с ним, в жизни мирян, он утверждал служение иное – трудничество. Лишь тем откроются в будущей жизни небесные блага, кто здесь, на земле, проводит время не в праздности, а в праведных трудах. Отсюда – особая, основанная на Православной вере трудовая этика русского крестьянина: труд им воспринимается как дело священное, в котором важно не только достижение материальных благ, но и духовно-нравственное, созидательное и спасительное начало, Такова, например, «Песня преступников» в поэме Некрасова

¹ См.: Гончаров И. А. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 6. М., 1972. – С. 228–230.

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. / Под редакцией П. В. Быкова. Второе стереотипное издание. СПб.; М.: Изд. товарищества М. О. Вольф, 1908. – С. 962.

«Несчастливые», воспевающая труд каторжан, придающая этому труду высокий одухотворённый смысл:

Трудись, покамест служат руки,
Не сгуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь! [4, 45]

Тема крестьянского труда и христианской трудовой этики была одной из ведущих в лирике и поэмах Некрасова. На неё указывает поэт в стихотворении «Крестьянские дети», призывая хранить в чистоте вечные духовные ценности, освящающие труд на земле:

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните своё вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой –
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!.. [2, 121]

«Скудное русское поле» не обещает нашему труженику материального изобилия. Это поле нуждается в самоотверженной любви, далёкой от утилитарных соображений и ожиданий. Некрасов воспекает духовный смысл труда на земле, призывая «вечно любить» «скудное русское поле». «Понеже мы и сами не свои, а Божии, – утверждает Тихон Задонский, – того ради и жить должны не так, как мы хотим, а как Бог велит...»¹.

Наше интеллигентное общество, по замечанию Д. С. Мережковского, «слишком часто становилось на исключительно экономическую, мертвящую точку зрения». Но «горек будет хлеб, если мы дадим его только по утилитарному, статистическому расчёту, только в холодном разумном сознании экономической необходимости, без умиления, без сочувственной, братской веры в то, что у народа есть самого святого:

Видит солнышко –
Жатва кончена:
Холодней оно
Пошло к осени;
*Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей Матери.*

Если в душе интеллигентных людей навеки потухнет мерцание *этого* божественного света, то уже никакая статистика, никакая политическая экономия, никакие заботы о хлебе насущном не возвратят нас, холодных, безбожных и мёртвых, к живому сердцу народа. Только вернувшись к Богу,

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского. М., 1996. – С. 1160.

мы вернемся к своему народу, к своему великому христианскому народу. Другого пути нет»¹.

Песнь строителей в «Железной дороге» у Некрасова далеко не сводится к обличению эксплуататоров, как принято было считать в советском некроваведении. Пафос её ещё и в другом: на пережитые страдания труженики-страстотерпцы указывают не с тем, чтобы разжалобить нас. Страдания только укрепляют в их сознании величие трудового подвижничества. Умереть «со славою» для православных мирян значило – умереть в праведном труде, «Божьими ратниками». Строителям железной дороги «любо» видеть свой труд, а «привычку к труду благородную» высокорослого, больного белоруса поэт рекомендует перенять и господскому мальчику Ване:

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.

Ты уж не маленький!.. Волосом рус,

Видишь, стоит, измождён лихорадкою,

Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,

Язвы на тощих руках,

Вечно в воде по колено стоявшие

Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно

Изо дня в день налегала весь век...

Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:

Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую

Он и теперь ещё: тупо молчит

И механически ржавой лопатою

Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную

Нам бы не худо с тобой перенять...

Благослови же работу народную

И научись мужика уважать. [2, 170]

В свете православного отношения к труду, не материальной только, но преимущественно духовной его мотивации, гораздо более сложным представляется и содержание финала «Железной дороги». Обычно обращается внимание лишь на критический его аспект – на обличение «толстого, присадистого, красного, как медь» лабазника да на «рабскую психологию» народа, помчавшего с криком «ура!» по дороге своего притеснителя купчину. Но дело в том, что строители железной дороги – не рабы подрядчиков и десятников, не рабы и самого графа Клейнмихеля. Если бы они были рабами, откуда бы у поэта возникла уверенность в том, что русский народ «вынесет всё и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе»? Ведь своим подвижническим трудом строители служили не подрядчикам, не Клейнмихелю, а самому Богу («Божии ратники») и не были слишком озабочены материальными благами своего труда:

¹ Мережковский Д. С. Полн. собр. соч. – Т. 18. М., 1914. – С. 237.

Всё заносили десятники в книжку –
Брал ли на баню, лежал ли больной:
“Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..” Махнули рукой... [2, 172]

«Лучше быть бедняком, чем работать со грехом», – говорит русская по-ловица. Строители железной дороги работали без греха, грех же остался на Клейнмихеле, на подрядчиках и десятниках. Поэтому горькое чувство в финале связано не с обличением «рабской психологии» народа, а с другим. Некрасова возмущает, как цинично и беззастенчиво может использоваться сильными мира сего, далекими от православных представлений о ценностях, самая высокая из возможных – духовная мотивация труда, свойственная нашему народу.

Трудничество – характерная примета всех народных героев Некрасова. В основе стихотворения «Дума», например, житейский сюжет: мужик, порвавший связь с землей, становится батраком и идет наниматься к хозяину: «Эй! возьми меня в работники!» Лукавая логика подсказывает, что сейчас произойдет денежная сделка, трудовой договор: мужик будет добиваться работы полегче, а платы побольше. Но ничего подобного не происходит. Истосковавшийся труженик, у которого «поработать руки чешутся», мечтает о другом:

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, –
Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!» [2, 124]

Некрасов знает, что крестьянский труд в суровом северном краю на скудном поле России в лучшем случае дает мужику то, о чём он просит в молитве Господней, – «хлеб насущный», то есть ровно столько, сколько нужно для скромного достатка и поддержания жизни. Сама природа приглашает в русском человеке материальные стимулы труда, но зато сполна мобилизует другие – духовные. Без высшей духовной санкции труд в России теряет свою красоту и поэтический смысл. Именно так, безлюбовно и бескрыло, смотрят на мужика в «Сценах из лирической комедии “Медвежья охота”» князь Выхотский и барон фон дер Гребен:

Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За крошку хлеба капля пота –
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней» [3, 13–14].

То, что богатым инородцам, лишённым национального чувства, кажется «бронёй невежества», в действительности является высшей степенью христианской одухотворенности, данной народу в Православии и поддерживаемой в нём даже суровой русской природой. Не случайно «Сцены из лирической комедии “Медвежья охота”» завершает «Песня о труде», поэтически опровергающая безотрадный взгляд на крестьянский труд оторванных от национальных корней, теряющих связь с народом высших сословий русского общества:

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле. <...>
Итак – о славе не мечтай,
Не будь на деньги падок,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок» [3, 23–24].

Труд как форма духовного делания был близок и самому Некрасову, глубоко усвоившему православно-крестьянскую трудовую этику. Уже на смертном одре, обращаясь к своему другу, он сказал:

Пододвинь перо, бумагу, книги!
Милый друг! Легенду я слышал:
Пали с плеч подвижника вериги,
И подвижник мертвый пал!
Помогай же мне трудиться, Зина!
Труд всегда меня животворил... [3, 201]

К Богу русский человек шёл не только через мистическое самоуглубление и отречение от мира, но и через доброе дело, через праведный труд, согретый молитвою. Он считал, что вера без дела мертва, что «спасен будет тот, кто спасает». «Работа великая» – самый надёжный способ духовного спасения. Эта вера народная отразилась в легенде «О двух великих грешниках» из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Господь присудил Кудяру-разбойнику срезать ножом, орудием его разбойных бесчинств, вековой дуб, под сенью которого он нашёл молитвенное уединение:

Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только что рухнется дерево –
Цепи греха упадут. [5, 208].

Здесь уже совсем не обозначена практическая, земная цель труда: никакой корысти «работа великая», выполняемая Кудяром, никому не принесет. Труд отшельника представлен в идеальном и чистом виде как путь к вечному спасению.

Мечтая о народном счастье, Некрасов не впадает в соблазн искушения «хлебом земным», свойственный европейскому идеалу социализма. Его представления о народном благоденствии тяготеют к христианскому пониманию. Его идеал – народное *довольство*, сущность которого святитель Тихон Задонский определял так: «Ради чего мы родились и живем в мире сем?

Не ради сего века, но ради будущего. <...> Зачем ты здесь? Ведь ты пришел сюда не богатство <...> собирать, не плоти и миру угождать, не греху и страстям работать, но Христу Господу работать и угождать и тако спасение получить»¹. Этот идеал в разных вариациях проходит через всё поэтическое творчество Некрасова. В поэме «Мороз, Красный нос» он выглядит так:

В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок. [4,81]
А в поэме «Кому на Руси жить хорошо» – так:
Мы же немного
Просим у Бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!
Жизнь трудовая –
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай? [V, 224–225]

5

Человек жив лишь до тех пор, пока им не потеряно ощущение духовных ценностей. Эту мысль постоянно отстаивает не только Некрасов, но и Лев Толстой. Особенно тревожно эта мысль звучит у него в романе «Анна Каренина». В высшем свете, где живет Анна, да и в самой Анне, эти ценности, связывающие людей глубокой духовной общностью, расшатаны. А без них спасти личность от разрушения не может ничто, даже любовь, которая в холодеющем мире вырождается в губительную чувственную страсть. Толстой говорит об Анне: «Она постоянно повторяла “Боже мой! Боже мой!” Но ни “Боже”, ни “мой” не имели для неё никакого смысла»². Не случайно грозным предостережением является Анне в страшных снах мужик, копающийся в куче железа и бормочущий французские фразы. Народная жизнь и христианская нравственность чужды в основах своего образу жизни «верхов», давно порвавших живую связь с русскими духовными ценностями и святынями.

¹ Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Указ. соч. – С. 1152.

² Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. – Т. 8. М., 1981. – С. 318. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Мир, в котором живёт Анна, сравнивается Толстым с эпохой Рима времён упадка. Заражённый страстью к зрелищам, он ненасытно требует для себя новых и новых острых ощущений. Таким жестоким зрелищем являются скачки, на которых присутствуют «государь» и «весь двор» – возбуждённая праздная толпа. Во время скачек из семнадцати человек попадало и разбилось более половины. Одна из светских дам произносит знаменательную фразу: «Волнует, но нельзя оторваться. Если б я была римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка» [8, 231]. Скачки с их соперничеством и катастрофическим движением по замкнутому кругу – символ современной цивилизации, всё более сползающей на бездуховные, плотские пути. «Все громко выражали своё неодобрение, все повторяли сказанную кем-то фразу: “Недостаёт только цирка со львами”. И ужас чувствовался всеми...» [8, 233].

Эти бездуховные основы жизни русских верхов с обнажённой правдивостью раскрыты Толстым: «Степан Аркадьич смял накрахмаленную салфетку, засунул её себе за жилет и, положив покойно руки, взялся за устрицы.

– А недурны, – говорил он, сдирая серебряною вилочкой с перламутровой раковины шлюпающих устриц и проглатывая их одну за другой. – Недурны, – повторял он, вскидывая влажные и блестящие глаза то на Левина, то на татарина. <...>

– А ты не очень любишь устрицы? – сказал Степан Аркадьич, выпивая свой бокал, – или ты озабочен? А? <...>

– Я? Да, я озабочен; но, кроме того, меня это всё стесняет, – сказал он. – Ты не можешь представить себе, как для меня, деревенского жителя, всё это дико, как ногти того господина, которого я видел у тебя...

– Да, я видел, что ногти бедного Гриневича тебя очень заинтересовали, – смеясь, сказал Степан Аркадьич.

– Не могу, – отвечал Левин. – Ты постарайся, войди в меня, стань на точку зрения деревенского жителя. Мы в деревне стараемся привести свои руки в такое положение, чтоб удобно было ими работать; для этого обстригаем ногти, засучиваем иногда рукава. А тут люди нарочно отпускают ногти, насколько они могут держаться, и прицепляют в виде запонок блюдечки, чтоб уж ничего нельзя было делать руками <...> Мы, деревенские жители, стараемся поскорее наестся, чтобы быть в состоянии делать своё дело, а мы с тобой стараемся как можно дольше не наестся и для этого едим устрицы... «Ну, разумеется, – подхватил Степан Аркадьич. – Но в этом-то и цель образования: изо всего сделать наслаждение» [8, 44-45].

Этот «цивилизованный» человек ищет себе наслаждение в чувственных удовольствиях, на каждом шагу изменяя своей жене: «На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский – Стива, как его звали в свете, – в обычный час, то есть в восемь часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване. Он повернул своё полное, выхоленное тело на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.

«Да, да, как это было? – думал он, вспоминая сон. – Да, как это было? Да! Алабин давал обед в Дармштадте; нет, не в Дармштадте, а что-то американское. Да, но там Дармштадт был в Америке. Да, Алабин давал обед на стеклянных столах, да, – и столы пели: *Il mio tesoro*¹, и не *Il mio tesoro*, а что-то лучше, и какие-то маленькие графинчики, и они же женщины», – вспоминал он.

Глаза Степана Аркадьича весело заблестели, и он задумался, улыбаясь.

«Да, хорошо было, очень хорошо. Много ещё там было отличного, да не скажешь словами и мыслями даже наяву не выразишь» [8, 7–8]. Для современного светского человека женщины приравнены к маленьким графинчикам с алкогольным дурманом.

«Степан Аркадьич получал и читал либеральную газету, не крайнюю, но того направления, которого держалось большинство. <...> Либеральная партия говорила, что брак есть отжившее учреждение и что необходимо перестроить его, и действительно, семейная жизнь доставляла мало удовольствия Степану Аркадьичу и принуждала его лгать и притворяться, что было так противно его натуре.

Либеральная партия говорила, или, лучше, подразумевала, что религия есть только узда для варварской части населения, и действительно, Степан Аркадьич не мог вынести без боли в ногах даже короткого молебна и не мог понять, к чему все эти страшные и высокопарные слова о том свете, когда и на этом жить было бы очень весело» [8, 13–14].

Погоня за наслаждениями с жадными, голодными глазами, дурная бесконечность нарастающего количества этих наслаждений – вот принцип светского существования, вот смысл прогресса, вступившего в движение по закодированному и порочному кругу.

Предметом человеческой жадности тут становится всё. На потребу неутолимому чувственному голоду бросается сама любовь: «Вронский между тем, несмотря на полное осуществление того, чего он желал так долго, не был вполне счастлив... Это осуществление показало ему ту вечную ошибку, которую делают люди, представляя себе счастье осуществлением желаний... Он скоро почувствовал, что в душе его поднялись желания желаний, тоска. Независимо от своей воли, он стал хвататься за каждый мимолётный каприз, принимая его за желание и цель... И как голодное животное хватается всякий попадающийся предмет, надеясь найти в нем пищу, так и Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины» [9, 37].

Гибель Анны – следствие глубокого распада духовных связей, следствие тупика, в который заходит современная цивилизация.

Поиском иных, высоких и спасительных ценностей жизни занят второй герой романа, Константин Левин. Он предан деревне, земледельческому труду как первооснове существования. Взгляд Левина-земледельца остро схватывает извращённость потребностей и искусственность образа жизни верхов. Спасение от лжи современной цивилизации Левин видит не в реформах,

¹ Моё сокровище (*ital.*).

не в революциях, а в нравственном перерождении человечества, которое должно повернуть с языческих на истинно духовные пути.

Левин долго бьется над загадкой гармонической уравновешенности и одухотворенной красоты трудящегося на земле крестьянина. Он долго не понимает, почему все его хозяйственные начинания встречаются мужиками с недоверием и терпят крах. И только в конце романа Левин совершает радостное для себя открытие: его неудачи, оказывается, были связаны с тем, что он не учитывал те духовные побуждения, которыми определяются крестьянский быт и крестьянский труд. Общение Левина с мужиком Фёдором, беседа с ним о старике Фоканыче, который для души, а не для собственного брюха живёт, Бога помнит, завершают переворот в душе героя:

«Подвальщик был из дальней деревни, из той, в которой Левин прежде отдавал землю на артельном начале. Теперь она была отдана дворнику внаймы.

Левин разговорился с подвальщиком Фёдором об этой земле и спросил, не возьмёт ли землю на будущий год Платон, богатый и хороший мужик той же деревни.

– Цена дорога, Платону не выручить, Константин Дмитрич, – отвечал мужик, выбирая колосья из потной пазухи.

– Да как же Кириллов выручает?

– Митюхе (так презрительно назвал мужик дворника), Константин Дмитрич, как не выручить! Этот нажмёт, да своё выберет. Он хрестьянина не пожалеет. А дядя Фоканыч (так он звал старика Платона) разве станет драть шкуру с человека? Где в долг, где и спустит. Ан и не доберёт. Тоже человеком.

– Да зачем же он будет спускать?

– Да так, значит – люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканыч – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит.

– Как Бога помнит? Как для души живет? – почти вскрикнул Левин.

– Известно как, по правде, по-Божью. Ведь люди разные. Вот хоть вас взять, тоже не обидите человека...

– Да, да, прощай! – проговорил Левин, задыхаясь от волнения, и, повернувшись, взял свою палку и быстро пошёл прочь к дому.

Новое радостное чувство охватило Левина. При словах мужика о том, что Фоканыч живет для души, по правде, по-Божью, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти и, все стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя его своим светом» [9, 392–393].

Протоиерей Иоанн Восторгов говорил, что как только исчезает в людях духовная мотивация труда, беды и нестроения охватывают всё отечество. «Если у людей не будет совести, если они потеряют веру, а с нею вместе неизбежно и руководство жизни, – всё погибнет, всё будет испорчено, всё залъётся кровью, всё подавлено будет преступлениями и насилием. Жизнь людей обратится в сплошную войну всех против всех; учреждения для совета и правления станут убежищем злоупотреблений и взаимных преследований;

государство и народ рассыплется; блага земные, и около лежащие, станут недоступны и истребятся; общество людское станет звериным и животным. На веки верно слово: нет радости нечестивым!»¹.

Yury Vladimirovich Lebedev
Doctor of Philology, Professor
Kostroma State University
e-mail: seminaria44@mail.ru

**PATRISTIC CONCEPTIONS OF LABOR AND PROPERTY
IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY**

The article reveals the spiritual foundation of labor and the Orthodox doctrine of property in the artistic world of Russian writers of the XIX century.

Keywords: *labor, property, haggling, righteousness, community, sobornost.*

¹ Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. – Т. 3. СПб., 1995. – С. 231.